

«ЯНТАРНЫЙ МОСТ» ВАТИКАНА

На протяжении многих веков Ватикан был связан с внешним миром мостом Средиземноморья, и движение по нему регулировалось выходцами из этого региона. В конце двадцатого – начале двадцать первого века архипастырский посох находится в руках уроженцев балтийских стран. Такой выбор был сделан на этапе осложнения геостратегической ситуации, в том числе в центральной части Европы. Во втором номере нашего журнала за 2011 год была опубликована статья руководителя Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН, профессора Анатолия Андреевича Красикова, в прошлом – корреспондента ТАСС в Италии и при Святом престоле, о Папе Иоанне XXIII. Этот понтифик созвал и открыл в 1962 году Второй Ватиканский (по западнохристианской хронологии – 21-й Вселенский) собор Римско-католической церкви. На этот раз автор рассказывает о жизненном подвиге первого Папы-славянина Иоанна Павла II, в миру Кароля Войтылы, – активного участника собора и продолжателя дела своих предшественников Иоанна XXIII, Павла VI и Иоанна Павла I.

ГОД ТРЁХ ПАП

1978 год вошёл в историю католичества как «год трёх Пап». Павел VI скончался 6 августа 1978 года. Чуть менее месяца спустя, 3 сентября, его преемником стал кардинал Альбино Лучани, который объединил в своём имени (Иоанн Павел I) имена двух предшествующих Пап, чем продемонстрировал верность проводившемуся ими курсу Второго Ватиканского собора. Понтификат Иоанна Павла I, однако, оказался одним из самых недолгих: Папа Лучани ушёл из жизни через 33 дня после избрания. На него, человека, отнюдь не блиставшего здоровьем, тяжело подействовала скоропостижная смерть митрополита Русской православной церкви Никодима (Ротова), который пришёл 5 сентября поздравить нового Папу со вступлением на престол.

Митрополит Никодим (Ротов) поздравляет с избранием и интронизацией Папу Иоанна Павла I. Через несколько секунд он будет сражён седьмым инфарктом. 5 сентября 1978 г.

После встречи с глазу на глаз Папа вручает заместителю генерального директора ТАСС Анатолию Красикову памятную медаль и художественный альбом «Сокровища Ватикана». 23 апреля 1988 г.

При Никодиме Русская церковь вступила во Всемирный совет церквей, направила своих наблюдателей на Второй Ватиканский собор, клирики РПЦ и РКЦ поехали учиться соответственно в Рим и в Загорск (Сергиев Посад). 16 декабря 1969 года, незадолго до кончины Патриарха Алексия I, по предложению митрополита Никодима синод РПЦ

разрешил православным священникам в определённых случаях допускать к причастию старообрядцев и католиков. Это постановление действовало почти 17 лет и было отменено в отношении католиков 29 июля 1986 года, когда Никодима уже не было в живых.

Третий Папа 1978 года был избран 16 октября на срочно созванном новом конклаве, когда ещё не все участники предыдущего успели разъехаться по домам. Избрание состоялось в восьмом туре голосования, когда за него проголосовали 97 (по другим данным 99) выборщиков из 111. Неожиданно для многих 264-м, по сплошной нумерации, понтификом стал 59-летний польский кардинал Кароль Войтыла. Как и его непосредственные предшественники, он участвовал в работе Второго Ватиканского собора РКЦ, 21-го Вселенского по католической хронологии (1962–1964), и при вступлении на престол в знак особого уважения к нему избрал имя Иоанна Павла с порядковым номером второй. Как сообщает известный американский исследователь и публицист Джордж Вейгель, Кароля Войтылу сблизил с его будущим преемником, уроженцем Германии Йозефом Ратцингером, «год трёх Пап». Выходцы из двух стран Балтики были знакомы и раньше, но только по переписке. Читая книги друг друга, они обратили внимание на совпадение или близость взглядов по многим вопросам церковной жизни.

По словам Дж. Вейгеля, который ссылается на признание, сделанное ему в личной беседе самим Ратцингером, неожиданная смерть Иоанна Павла I была воспринята многими как знак того, что Господь ждёт Папу, «не похожего» на Лучани. По утверждению Вейгеля, Ратцингер сыграл особенно активную роль в сплочении рядов сторонников «польского варианта» папства.

Незадолго до кончины Папы Лучани, с 19 по 25 сентября, делегация епископов из Польши, в состав которой входил и Войтыла, находилась в братском визите в ФРГ, и он произвёл на принимавших польских гостей немецких епископов самое благоприятное впечатление. В своих выступлениях он развивал идеи, сформулированные в письме, которое его соотечественники во главе с кардиналом Вышинским передали немецким епископам 18 ноября 1965 года, незадолго до завершения Второго Ватиканского собора и в канун празднования в 1966 году 1000-летия крещения своей страны, чтобы отметить этот юбилей «с чистой совестью». «Мы протягиваем к вам свои руки, – говорилось в этом историческом документе, – прощая и прося у вас прощения». Письмо вызвало недовольство государственных властей ПНР, обвинивших примаса Польши в отсутствии патриотизма. Епископы ФРГ, со своей стороны, откликнулись на жест польских коллег, передав им 5 декабря 1965 года письмо со словами: «Мы тоже просим вас перевернуть страницу прошлого и простить нас».

Так уж совпало, что избрание Иоанна Павла II Римским первосвященником состоялось через три дня после моего назначения на пост заместителя директора Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС, ныне ИТАР-ТАСС), главного информационного центра нашей страны, своего рода «газеты для газет» (а заодно – для телевидения, радио и, конечно же, для важнейших политических структур государства). И, получив кремлёвский пропуск, а с ним – право беспрепятственного прохода во все государственные учреждения, включая ЦК КПСС, я оказался свидетелем той озабоченности, которую вызвало там избрание на высший пост в Ватикане выходца из «социалистического содружества».

Озабоченность номенклатуры оказалась ненеправильной. Всего несколько дней спустя после избрания, в воскресенье 22 октября, Кароль Войтыла, выступая с проповедью во время тор-

жественной инаугурации, произнес исторические слова: «Не бойтесь! Откройте, и даже распахните настежь двери Христу! Для Его спасительной власти откройте границы государств, экономических и политических систем, широких областей культуры, цивилизации, развития». И сам стал первым в истории «странствующим Папой», открывшись миру в совершённых им 104 пастырских поездках, во время которых за годы своего долгого, 27-летнего понтификата посетил 617 местностей в 129 странах мира (в ходе некоторых поездок он переезжал из одного государства в другое), налетал в самолёте и проехал по земле в общей сложности 1 162 615 километров и провёл за рубежом 543 дня. Вслед за первым зарубежным визитом за океан, в Доминиканскую республику, Мексику и на Багамы (январь-февраль 1979 года), он впервые посетил родную Польшу в новом качестве (2–10 июня) и был встречен там с энтузиазмом. Как рассказал освещавший этот визит итальянский журналист Луиджи Аккаттоли, на протяжении всех девяти дней визита Папы религия, загнанная до того внутрь храмов, выплеснулась на улицы и площади городов и вовлекла в свою орбиту миллионные массы людей. Понтифик не выступал с прямой критикой режима, но поляки хорошо поняли, как им надо жить дальше, услышав слова, произнесённые их соотечественником в Ченстохове 5 июня: «Нужен диалог, способный обеспечить права всех граждан, всех верующих и их Церкви, к которой принадлежит подавляющее большинство поляков». Затем последовали поездки в Ирландию, США (с программным выступлением на сессии Генеральной Ассамблеи ООН и первой встречей с членом Политбюро и министром иностранных дел СССР Андреем Громыко) и, наконец, в ноябре, в Турцию (где в итоге беседы с Патриархом Константинопольским Димитрием I было условлено начать православно-католический богословский диалог для прояснения возможностей продвижения вперёд, к единству, заветному Христом своим ученикам и последователям. Следующий, 1980-й, и начало 1981 года были отмечены визитами в пять стран Африки, во Францию, Бразилию, ФРГ, а также в Азию и Океанию. И везде Войтыла звал тех, кто приходил на встречи с ним, внести свой вклад в дело мира и свободы, в том числе религиозной свободы.

«ТРИ ТАЙНЫ ФАТИМЫ»

Бурная активность Папы-поляка не могла не обеспокоить противников его идей, и 13 мая 1981 года на него было совершено покушение. Во время общей аудиенции на площади Святого Петра в Риме наёмный убийца (или преступник-одиночка?) турецкий террорист Али Агджа лишь чудом не достиг своей цели, но его выстрелы поставили Иоанна Павла II на грань жизни и смерти. Этим чудом, по убеждению Папы, стало заступничество Пресвятой Богородицы, которая явилась 13 мая 1917 года португальским пастушкам – 9-летней Лусии,

Покушение на Папу Иоанна Павла II на площади святого Петра в Риме. Слева – пистолет в руке террориста Али Агджи. 13 мая 1981 г.

её 8-летнему двоюродному брату Франсишку и 6-летней двоюродной сестре Жасинте – неподалёку от города Фатима, после чего возвращалась к ним каждый следующий месяц вплоть до 13 октября. Она открыла детям «три тайны» В первых двух предсказывалось, в частности, скорое окончание войны и выражалось пожелание о посвящении России Непорочному Сердцу Матери Христа. Из записи предсказаний, зафиксированных Лусией, которая, повзрослев, стала монахиней (младшие пастушки умерли, не достигнув совершеннолетия), следовало, что в противном случае «её (России) заблуждения распространятся по миру, будут войны и гонения на церковь, Святой Отец будет много страдать, целые народы будут уничтожены», однако в конце концов «Россия обратится и миру на некоторое время будет дарован мир». «Третья тайна»

была изложена сестрой Лусией в письменном виде по настоянию епископа Лейрийского (Португалия) в январе 1944 года и была передана в Ватикан в 1957 году. В ней упоминался «епископ, одетый в белое». Вместе с другими епископами, священниками и монашествующими он поднимался в гору, пересёк наполовину разрушенный город и, пав на колени перед крестом, был убит стоявшими рядом солдатами.

Папа Войтыла ознакомился с этим текстом, когда находился в больнице после покушения, и пришёл к выводу, что там описывается то, что произошло с ним на площади святого Петра. «Траекторию пули изменила Материнская рука, – сказал он на встрече с пришедшими навестить его итальянскими епископами».

Иоанн Павел II выполнил переданную ему сестрой Лусией просьбу Фатимской Богородицы, посвятив её сердцу не только Россию, но и весь мир. Позднее он скажет: «Могу ли я забыть, что покушение произошло в тот день и час, когда в португальской Фатиме вспоминается первое явление Матери Христа бедным деревенским детям? Ведь во всём, что

именно в этот день случилось со мной, я ощутил Её необыкновенную материнскую заботу и защиту, оказавшуюся сильнее смертельной пули».

В 2000 юбилейном году кардинал Ратцингер, тогда – префект Конгрегации вероучения, выполняя поручение Папы, предал содержание «третьей тайны Фатимы» гласности, сопроводив её текст своим теологическим комментарием. Подписанный им документ начинается с вопроса: «Не является ли это видение простой проекцией внутреннего мира детей, выросших в благочестивой атмосфере и пребывавших в страхе перед вызовами нашего времени?» Ответ: Церковь различает «Откровение общее» и «откровения частные. Говоря Откровение общее», мы подразумеваем Откровение Божие, адресованное всему человечеству. Своё письменное отражение оно

нашло в Ветхом и Новом Завете. «Откровение частное» относится ко всем видениям и откровениям, свершившимся по Завершении Нового Завета. Именно под эту категорию подпадает Фатимское послание. Критерием оценки истинности и ценности частного откровения является его христоцентричность. Это не исключает того, что частное откровение может высветить новые аспекты, явить новые формы благочестия, либо углубить и развить старые.

Вернёмся, однако, назад, в первую половину 80-х годов, когда пропагандистские баталии вокруг покушения развёртывались на фоне обострения внутриполитической напряжённости на родине понтифика. Год покушения на Папу стал и годом жёсткой конфронтации между навязанной Польше извне властью и оппозицией. История этой конфронтации хорошо известна и в самой Польше, и за её пределами. Сегодня мы можем представить взгляд на неё человека, который в силу своей профессии и служебного положения находился «по другую сторону» линии невидимого фронта. Это бывший военный атташе СССР в Польше Александр Андреевич Хоменко, выпустивший недавно книгу своих воспоминаний. Офицер Советской армии, участвовавший в освобождении Польши в годы Второй мировой войны, он снова оказался в этой стране, на этот раз в разгар антиправительственных выступлений. Он даёт понять, что был готов выполнить приказ об участии в «силовом» разрешении конфликта, если бы такой приказ поступил из Москвы. Приказ, однако, не пришёл.

В декабре 1981 года «Солидарность» потребовала проведения референдума по вопросам руководящей роли компартии и отношений между Польшей и Советским Союзом. Результаты этого референдума предугадать было нетрудно, пишет генерал. Оппозицию поддерживало практически всё население страны и до 80 процентов личного состава вооружённых сил, и поэтому ПОРП согласиться на референдум не могла. 13 декабря в Польше было введено военное положение, руководители «Солидарности» арестованы. Но «Ярузельский» – не Пиночет, поэтому обошлось без обматанного колючей проволокой стадиона и стрельбы.

В этой связи автор книги обращает внимание на религиозный фактор, который сыграл если не первостепенную, то всё же весьма заметную роль в переходе Польши из одного качественного состояния в другое. «В Ярузельский в душе оста-

вался человеком религиозным, для которого авторитет главы церкви был непререкаемым». Именно это обстоятельство склонило чашу весов в сторону от фронтального столкновения двух сторон, столкновения, характер которого можно было легко предвидеть, учитывая, что (здесь советский гене-

День всемирной молитвы за мир в Ассизи (Италия). 27 октября 1986 г.

рал цитирует польского. – А.К.) «если поляков довести до определённой черты, то мало уже никому не покажется, остановить их будет невозможно».

МИРОТВОРЧЕСТВО ВАТИКАНА

На опасность сползания к рукотворному апокалипсису откликнулась Папская академия наук. Она создала рабочую группу, члены которой были приняты понтификом, проинформировав его о последствиях ядерной войны, вспыхни она в условиях взаимного недоверия соперников. Другая рабочая группа, в состав которой вошли ученые из пяти стран (СССР, США, Франции, Италии и Бразилии), подготовила документ об этих последствиях с точки зрения медицины. По инициативе Папы он был вручен высшим руководителям США, СССР, Франции, Великобритании, а также генеральному секретарю Организации Объединенных Наций. В 1982 году ПАН подготовила ещё один документ о растущей угрозе войны. В октябре 1984 г. она провела в Ватикане большой международный семинар на тему «Результаты исследований космоса для человечества».

И наконец, 27 октября 1986 года по предложению Папы Войтылы был проведён День все-

мирной молитвы за мир. Центральным событием этого дня стала встреча в итальянском городе Ассизи, на родине Святого Франциска, представителей самых различных вероисповеданий – от христиан всех конфессий, мусульман и иудеев до язычников-анимистов. Двум тассовцам, один из

которых работал в Риме, а второй, ваш покорный слуга, приехал из атеистической Москвы (для ЦК – ввиду необходимости проведения переговоров о возобновлении соглашения о сотрудничестве между агентствами печати СССР и Италии), было разрешено занять место на ступеньках у входа в храм Пресвятой

девы Марии у ангелов вместе с несколькими прелатами РКЦ. Когда большой лимузин с ватиканским флагом показался на площади и, сделав разворот, затормозил у портала, раздались аплодисменты. Папа, ночевавший в соседней Перудже, вышел из машины и быстрым шагом поднялся, почти взбежал вверх по ступенькам. Он остановился буквально в двух шагах от нас и, подняв руку, приветствовал собравшихся (для меня это была первая встреча с Войтылой). А несколько минут спустя мы увидели длинную процессию религиозных лидеров, показавшуюся откуда-то из-за собора. Один за другим представители двенадцати вероисповеданий поднимались к порталу и, обменявшись словами приветствия с Папой, входили внутрь храма. Сутаны, рясы, мантии, накидки служителей различных культов как бы соперничали по многоцветию с радугой, занявшей добрую четверть хмурого небосвода над горой Субазियो.

После молчаливой молитвы в храме религиозные деятели, разделившись на несколько групп, по числу представляемых ими вероисповеданий, двинулись к различным точкам города, где провели богослужения по своим обрядам. Все христиане – католики, православные и протестан-

ты – пришли в церковь Святого Руфина. Индуистам и сикхам был предоставлен храм Святого Петра. Зороастрийцы заняли здание епископата. Иудеи избрали для совершения своего обряда площадь, где, по преданию, когда-то находилась синагога. Мусульмане разложили ковры метрах в двухстах от иудеев. Африканские анимисты развели небольшой костер из ароматических трав, а потом забрызгали его водой. Этот ритуал должен был означать торжество мира над войной. Всеобщее внимание привлек Джон Всегда Первый, жрец индейского племени Вороны (штат Монтана, США). Облаченный в национальные одежды, с головным убором из ярких перьев, он, не обращая внимания на любопытных, невозмутимо курил свою трубку мира. А потом сказал собравшимся: «Дурные желания рождаются не у Бога, а у человека. Значит, перемениться, научиться мыслить по-новому должен человек. И тогда на Земле воцарит мир». Держа в руках красную трубку мира, Джон Всегда Первый рассказывал о культе великого духа, матери-Земли и четырех ветров, которые возвещают волю Всевышнего. Было уже довольно поздно, когда паломники, вновь собравшись группами, двинулись на Нижнюю площадь Святого Франциска, где состоялась заключительная церемония дня. Представители всех вероисповеданий опять сотворили молитву о мире, на этот раз по очереди, один за другим, в присутствии иноверцев.

За этим первым Днём молитвы за мир последовали новые. Из года в год в тот же день, но на разных географических широтах, религиозные деятели встречались, чтобы помолиться, каждый по своим традициям, за спасение священного дара жизни. А ровно четверть века спустя, 27 октября 2011 года, следуя призыву нынешнего понтифика Бенедикта XVI, вновь собрались в Ассизи. Обращаясь к ним, Папа из Германии напомнил, что 25 лет назад угроза миру исходила от опасного противостояния сверхвооружённых блоков Запада и Востока. Однако буквально три года спустя рухнула берлинская стена – символ раскола Европы и всего мира, – режимы государственного атеизма саморазрушились, и европейский континент задышал полной грудью, обоими лёгкими, о которых неоднократно напоминал папа Войтыла.

Летом 1988 года беспрецедентно многочисленная делегация кардиналов РКЦ во главе с государственным секретарём Ватикана Агостино Казароли присутствовала на торжествах по случаю

1000-летия крещения Руси. Незадолго до этих торжеств мне довелось встретиться с Папой Иоанном Павлом II. Весной того памятного года на имя генерального директора ТАСС Сергея Лосева пришло письмо от Валентины Терешковой, знаменитой женщины-космонавта, которая являлась тогда председателем Союза обществ дружбы СССР с зарубежными странами. В нём сообщалось, что руководители Итальянского общества дружбы («Италия – СССР») приглашают меня в Рим для участия во встречах и конференциях, посвященных предстоящему знаменательному юбилею. А несколько дней спустя мне позвонил давний знакомый Вадим Загладин, журналист и учёный-историк, в годы нашей молодости преподаватель, которому я сдавал экзамены в Институте, а в 1988 году – заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС. Он сказал, что хочет со мной встретиться, и, когда мы увиделись, сообщил причину своего желания.

Оказывается, в руководящих сферах страны возникли острые разногласия, связанные с возможным участием в юбилейных торжествах представителей Ватикана. Правительственный Совет по делам религий разрешил Русской православной церкви послать приглашения конкретным католическим деятелям, минуя Папу и не приглашая его самого. Объявивший «гласность» и «перестройку» М.С. Горбачёв был не против встретиться с Иоанном Павлом II в Москве, но большинство членов Политбюро категорически отвергло возможность приезда понтифика,

Встреча Папы с президентом СССР Михаилом Горбачевым

памятуя о том воздействии, которое производят его визиты на общественность посещаемых им стран (Польша – наиболее яркий тому пример). Заместитель заведующего Международным отделом ЦК просил меня сообщить об этом представителям Святого престола на возможно более высоком уровне в надежде на достижение приемлемого для обеих сторон компромисса.

Не знаю, давались ли подобные поручения кому-либо ещё, но я на просьбу уважаемого мной человека откликнулся с готовностью. Отмечу сразу, что после приезда на берега Тибра предпринимать какие-то особые усилия для установления контак-

тов с представителями Святого престола мне не пришлось. Во время поездки по стране на встречах, организованных Обществом «Италия – СССР», как правило, присутствовал кто-то из церковных иерархов (в Витербо, например, это был местный епископ Тальяферри). В Риме меня приняли кардиналы Акилле Сильвестрини и Агостино Казароли. О факте этих встреч я, естественно, сообщил в Москву по каналам ТАСС, и сообщения эти, несомненно, были прочитаны в ЦК. Отлёт назад, в Москву, был намечен на 24 апреля, и я собирался провести последний день во Флоренции, куда меня пригласил давний знакомый, главный редактор журнала «Тестимоньянце» священник Эрнесто Бальдуччи. Но встреча не состоялась: вечером 22-го в отделении ТАСС раздался телефонный звонок, предупреждавший, что мне не следует отлучаться из Рима. А рано утром 23 апреля курьер доставил приглашение на частную аудиенцию, намеченную на тот же день.

Это была моя первая встреча с Папой, на которой мы могли побеседовать по широкому кругу вопросов, а главное – действительно с глазу на глаз. Надо ли говорить о том, что встреча с понтификом произвела на меня неизгладимое впечатление? Римский первосвященник ни одним словом и ни единым жестом не подчеркнул различия в нашем общественном положении, держался с достоинством, присущим его сану, и в то же время исключительно просто. Он показал, и это редкость для деятеля столь высокого уровня, что умеет не только говорить, выбирая точные и нужные выражения для передачи своей мысли, но и слушать собеседника.

Папа сказал, точнее – подтвердил, что получил приглашение на торжества в СССР, направленное ему лично, добавив, что «в этот раз» не сможет воспользоваться этим приглашением сам, но направит в Москву делегацию «такого уровня и с таким числом кардиналов, которого Россия не видела ни разу за всю свою историю». Иоанн Павел II высоко отозвался о Русской православной церкви, «церкви-сестре», которая выстояла и сохранила верность Господу в «очень непростых» условиях реальной действительности нескольких десятилетий. Мы, сказал Папа, понимаем всю сложность того положения, в котором оказались православные и все верующие вашей страны, поддержи-

ваем начатую её нынешним политическим руководством перестройку общественной жизни на демократических началах и молимся за обретение народом России подлинной свободы. Значительная часть беседы касалась социальной доктрины католичества, основные положения которой, по мнению понтифика, могли бы быть использованы и Русской православной церковью после того, как она обретёт полную свободу. Незадолго до этого Иоанн Павел II подписал энциклику «Sollicitudo Rei Socialis», и позднее, перечитывая свои заметки, я обратил внимание на то обстоятельство, что Папа в популярной, рассчитанной на советского слушателя форме излагал основные положения этого документа.

Апостолический дворец и Кремль функционировали в те дни как подлинные сообщающиеся сосуды. Возвратившись в Москву, я проинформировал о своей встрече с Папой не только Вадима Загладина, но и руководителей Русской православной церкви – Патриарха Пимена и митрополитов Филарета (Вахромеева) и Владимира (Сабодана). Фотография этой встречи висит у меня в кабинете в Институте Европы РАН. А несколько дней спустя, 29 апреля, мне довелось стать очевидцем встречи Михаила Горбачева с Патриархом и членами Синода РПЦ. Высший руководитель партии и государства пригласил их, чтобы сделать сенсационное для того времени заявление (опубликованное на следующий день всеми газетами страны): «Верующие – это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выражать свои убеждения. Перестройка, демократизация, гласность касаются и их, причём сполна, без всяких ограничений. В особенности это относится к сфере нравственности, где общечеловеческие нормы и обычаи могут способствовать нашему общему делу... Точек соприкосновения для заинтересованного и, надеюсь, плодотворного диалога у нас очень много. У нас общая история, одно Отечество и одно будущее». Таких слов до Горбачёва не произносил ни один из политических лидеров советской страны.

Горбачёв сообщил религиозным деятелям о решении возглавляемого им руководства приступить к разработке закона о свободе совести. Помню, какими многозначительными взглядами обменялись его собеседники. Они раньше других поняли, что в жизни церкви и государства грядут перемены поистине эпохального характера. Действительно, в 1989 году родился первый проект закона «О свободе совести и религиозных организациях СССР», который в дальнейшем был существенно улучшен. Страна менялась буквально на глазах. Менялись и её взаимоотношения с внешним миром. В том числе и с Ватиканом. Яркие тому свидетельства – две встречи Горбачёва с Папой, первая из которых состоялась 1 декабря 1989 года, а вторая – 18 ноября 1990 года, последующие визиты к Папе всех президентов Российской Федерации.

Незадолго до кончины Кароль Войтыла вспомнил о событиях 80–90-х годов, беседуя со своим ближайшим помощником и личным секретарём монсьёром (ныне кардиналом) Станиславом Дзивичем (запись беседы вошла в книгу «Память и надежда» – духовное завещание понтифика). Приведу эту часть беседы полностью: «Я живу в уверенности, что во всём, что я говорю и делаю в связи с моим призванием и миссией, с моим служением, происходит что-то, что не является исключительно моей инициативой. Я знаю, что не только я действую в том, что делаю как преемник Петра. Возьмём, к примеру, коммунизм. Как я говорил ранее, причиной его падения, безусловно, послужила порочная экономическая система. Но сослаться исключительно на экономические факторы значило бы излишне всё упрощать. С другой стороны, было бы смешно думать, что Папа своими руками низверг коммунизм. Я думаю, объяснение содержится в Евангелии».

Анатолий Красиков,
доктор исторических наук,
профессор, руководитель Центра по проблемам
религии и общества Института Европы РАН
(окончание в следующем номере)